

3. *Le Goff Zh.* Srednevekovyj mir voobrazhaemogo: Per. s fr. / Obshch. red. S. K. Caturvoj. M.: Izdatel'skaja gruppa «Progress», 2001. 440 s.
4. *Losev A. F.* Estetika Vozrozhdenija. M.: Mysl', 1982. 623 s.
5. *Panofskij E.* Perspektiva kak «simvolicheseskaja» forma. Goticheskaja arhitektura i sholastika / Per. s nem. I. Hmelevskih, E. Kozinoj / Per. s angl. L. Zhitkovej. SPb.: Azbuka-klassika, 2004. 336 s.
6. *Platon.* Sobranie sochinenij: V 3. T. 2 / Per. s drevnegrech. / Pod obshch. red. A. F. Loseva i V. F. Asmusa. Vstupit. st. A. F. Loseva. M.: Mysl', 1970. 611 s.
7. *Jastrebitskaja A. L.* Srednevekovaja kul'tura i gorod v novej istoricheskoj nauke: Uchebnoe posobie. M.: Interpraks, 1995. 416 s.

Веричева К. В.

СОЦИАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ

Статья посвящена исследованию и сравнительному анализу концепций социальной идентификации личности, представленных в работах Дж. Мида, Ч. Кули, И. Гоффмана, Р. Харре и других известных философов XX столетия. Автор показывает, что в современном обществе структура личности становится более сложной, и в результате создаются условия для выбора своей собственной самости, конструирования личностной идентичности в процессе различных социальных взаимодействий и коммуникаций.

Ключевые слова и словосочетания: личность, личностная идентичность, Я, Другой, социальный конструктивизм, интеракционизм, виртуальная реальность.

K. Vericheva

Social Construction of the Personality

The article deals with an investigation and a comparative analysis of the conceptions of social identification of the personality as presented by G. Mead, Ch. Cooley, I. Goffman, R. Harre and other famous philosophers of the 20 century. It is argued that in the modern society the structure of personal "Self" has become more complicated and as a result there are conditions for choosing the proper selfhood and constructing the personal identity in the process of different social interactions and communications.

Keywords: personality, personal identity, the "Self", the "Other", social constructivism, interactionism, virtual reality.

В современных концепциях проблема идентичности личности рассматривается в аспекте социального взаимодействия, где индивидуальное Я, самость, выступает как результат конструирования личности в конкретном социокультурном контексте. Становление и развитие личности происходит в процессе интерактивных взаимодействий, в результате чего усложняется ее структура, формируется множество Я-образов. Данная установка противостоит классической модели личности, в основе которой лежит

представление о ней как неизменной, стабильной и целостной сущности. Кризис идентичности в современном обществе обусловлен невозможностью сохранения целостности собственного Я. Проблематика социальной идентификации личности является актуальной в современных условиях и исследуется в таких направлениях, как социальный конструктивизм, символический интеракционизм, этнометодология, постструктурализм, постмодернизм, нарратология и т. д. Объединяющей позицией этих

концепций является критика традиционного субстанционалистского подхода к идентичности личности, постановка проблемы множественности Я в условиях современного общества и возникновения новых форм коммуникации.

Проблемы социальной идентификации личности разрабатываются в трудах таких известных мыслителей XX века, как Дж. Мид, Ч. Кули, И. Гофман, П. Бергер, Т. Лукман, Р. Харре и др. Общим для них является акцент на включенности личности в общество, ее совместном «бытии-с-другими», где собственное Я раскрывается как социально конструируемый феномен. Концепция Дж. Мида рассматривается в качестве предпосылки возникновения теории эго-идентичности (Self) в аспекте опосредованности ее социальными символическими взаимодействиями. Такая позиция обнаруживает сходство с концепциями М. Бубера, Ж.-П. Сартра, Э. Левинаса, рассматривающими процесс самоидентификации с точки зрения «присутствия» Другого. Социализация личности, по мнению Мида, представляет реализацию социальных ожиданий, сопровождающуюся интернализацией обобщенного образа «значимого» Другого. Организованное общество, обеспечивающее индивиду единство его самости, Мид называет «обобщенным другим» [19, с. 152–164]. Формирование собственной идентичности личности происходит как ответная реакция на значимые ожидания Других и опосредованно является их отражением. Условием самоидентичности личности выступает процесс интернализации роли Другого. Для обозначения элементов, составляющих структуру личности, Мид использует терминологическую оппозицию понятий «I» (ускользающий от социализации остаток) и «Me» (социальное измерение субъекта) [18, с. 173]. Эти понятия в модифицированном виде используются также в концепции Ж. Лакана и обозначаются им как «Je» и «Moi». По мнению Мида, в личности сохраняется часть, которая не поддается со-

циализации, — «I», являясь основой ее творческих и индивидуальных проявлений. Таким образом, обусловленность Я интернализированным образом Другого не является тотальной. Социальное Я («Me») выступает в качестве такого образа нашего Я, с которым мы вынуждены считаться, поскольку оно «навязывается» нам обществом [9, с. 224–227]. Таким образом, самопонимание и понимание Другого Мид связывает, прежде всего, с восприятием роли партнера, со взаимной рефлексивностью ожиданий определенного поведения.

Понятие социальной самости разрабатывалось Ч. Кули. Подчеркивая коммуникативный аспект этого понятия, он полагал, что идея самости неразрывно связана с мыслью о других людях, то есть располагается «внутри» общей жизни [7, с. 316]. Согласно Кули, там, где нет коммуникации, не может быть никакого развития личности, ее мышления. Поэтому то, что мы называем Я («Me»), «мое» или «сам», представляет особый интерес, поскольку одновременно имеет и общий и индивидуальный характер, отражаясь в сознании других людей [7, с. 317]. В этом аспекте чувство обладания собственным телом в отношении любой его части возможно только в случае его отношения к Другому. В этом плане взгляды Кули обнаруживают свое сходство с воззрениями Ж.-П. Сартра, Э. Гуссерля, М. Мерло-Понти, считавших, что собственная телесная идентичность возможна в аспекте осознания границ тела Другого. Развитие самосознания личности происходит во многом вместе с переживаниями, связанными с мыслями о других людях. Социальную самость Кули называет отраженной или зеркальной самостью. Самопредставление такого рода, согласно Кули, имеет три основных элемента: образ нашего облика в представлении другого человека, образ его суждения о нашем облике и возникающее при этом самоощущение, например, гордость или унижение, вызываемые нашим воображаемым мнением и воздействием этого от-

ражения на сознание другого человека. При этом характер и влияние этого Другого, в сознании которого мы видим себя, существенным образом определяют различия нашего самоощущения [7, с. 319]. Процесс, в котором возникают самоощущения «зеркального типа», Кули называет «аффектацией», представляющей чувство чрезмерной озабоченности тем, что другие думают о личности [7, с. 323]. Таким образом, по мнению Кули, социальное конструирование личности, формирование облика нашей личной самости, нашей индивидуальности возможно лишь посредством отражения в сознаниях других личностей.

В процессе социального конструирования возникает не одно, а множество *Я*-образов, что во многом связано с понятием ролевых игр, в которых участвует личность. Ролевое *Я* существует в рамках определенного набора правил, диктуемых социумом, и несоблюдение внутренней логики поведения, свойственной данной ролевой игре, может привести к исчезновению *Я* с социальной сцены. Кризис социальной самоидентификации личности, возникающий в современном обществе, является следствием неизбежности исполнения личностью определенных, заданных, навязываемых ей социальных функций и ролей. Присутствие личности в социальном пространстве связано с погружением ее в сферу хайдеггеровского «das Man», где нивелируется индивидуальность *Dasein*, утрачивается напряженность его экзистенциального существования. Погружаясь в «das Man», личность в своих поступках и действиях ориентируется на других. Подобный опыт бытия приводит к обезличиванию личности, которая становится анонимной, отчужденной, существуя в модусе несовпадения с самой собой. Препятствуя персонализации личности, «das Man» не оставляет места для индивидуальных форм бытия, подлинной экзистенции, вынуждая подчиняться одинаковым, унифицированным нормам социума [13, с. 126]. Усваивая заданные, навязанные

способы существования, предписанные формы осмысления и представления окружающего мира и самого себя, личность превращается в массового «одномерного» индивидуума [8, с. 30]. Личностное *Я*, как подчеркивал Ч. Кули, оказывается продуктом социального конструирования с точки зрения мнения о нем окружающих людей. В этом же аспекте Ж. Делез и Ф. Гваттари определяют «das Man» как «социальную машину фаціальности» (лицеобразования), создающую определенные нормативные формы «шизофренической» субъективности. При этом личность становится неотделимой от социального воспроизводства, утрачивая индивидуальное измерение собственного бытия [4, с. 77]. Абстрактная машина фаціальности, включающая в себя семиотические, массмедийные, информационные структуры, конструирует личность как фрагмент этой машины. Формируя «шизофреническую» субъективность индивида, она наделяет его специфическим лицом, маской, в результате чего получает возможность тотального контроля за его действиями и поведением. «Закодированный» присутствием в социальном пространстве «das Man» индивид выступает в качестве объекта манипулирования, отождествляя себя с заданным ему образом и становясь безликой частью «социальной машинерии». Согласно Делезу и Гваттари, маркировка индивида осуществляется посредством надления его социальной маской, которая нивелирует его собственную самость.

Таким образом, в концепциях социального конструктивизма личность предстает как сложное образование, выступая как множество *Я*-образов, в результате чего само понятие самости становится проблематичным. В результате децентрализации и полифоничности процесс идентификации *Я* рассматривается в аспекте потенциальных возможностей личности, поскольку она не является неизменной сущностью, как в классической парадигме.

В нарративных концепциях идентичности, одна из наиболее известных версий которых принадлежит П. Рикеру, подчеркивается, что конструирование личности невозможно без существования Другого и использования символических и языковых средств. Согласно Рикеру, собственная идентичность индивидов конструируется посредством создания нарративов, которые становятся для них их действительной историей. При этом проблематика персональной идентичности в концепции Рикера артикулируется во временном измерении человеческого существования и собственных действий индивида [10, с. 106]. Разработка нарративных концепций личности становится актуальной в современной философии и психологии. Данная проблематика рассматривается в работах Ж. Женетта, Дж. Принса, Р. Рорти, Э. Гросса, Р. Харре, Р. Барта, Ж. Лиотара, П. Новика и др. Нарративная Я-конструкция связывает события жизни человека, прошедшие и будущие, в определенную временную последовательность. Согласно концепции Г. Гергена, нарратив как жизненная история личности создается в рамках определенной языковой среды и данного социокультурного контекста [15, с. 187]. При этом нарратив не обязательно состоит только из реальных фактов, но может содержать вымышленные события. В этом аспекте он является скорее личным мифом, лишенным объективного содержания. Однако, несмотря на это, он выполняет свою конституирующую роль, являясь основой самоидентичности личности. Присутствие в нарративе различных Я-образов, относящихся к одному и тому автору жизненной истории, что является часто причиной возникновения конфликта между ними, затрудняет понимание собственной и другой идентичности. Согласно постмодернистским концепциям, представленным в работах Р. Барта [1, с. 384–391], М. Фуко [12, с. 96], Ж. Делеза, Ф. Гваттари [см. 4], идентифицировать автора собственной жизненной истории не представляется воз-

можным, в связи с чем ими выдвигаются тезисы о «смерти субъекта» и «смерти автора» как выражения утраты самости. Представители постмодернизма рассматривают индивидуальное Я как децентрированную, полифоническую нарративную конструкцию. Личностное Я растворяется в различных нарративных дискурсах, и эти идеи постмодернистов обнаруживают определенное сходство с идеями социальных конструктивистов. Однако отличие позиции конструктивистов состоит в том, что существование множества Я-нарративов не приводит к распадению собственного Я, представляющего собой сложное, многоплановое образование.

Современные представители социального конструктивизма К. Герген, Дж. Шоттер, Р. Харре, П. Мюльхауслер, Е. Окс, Б. Шиффелин развивают взгляды Дж. Мида, согласно которым понимание Другого, как и понимание собственного Я, обусловлено символической системой языка. Так, Герген подчеркивает оппозицию конструктивистского подхода традиционному бинарному разделению Я и Другого в понимании природы субъективности, которая, будучи социальной конструкцией, представляет результат коммуникативного взаимодействия. Язык как семиотическая система играет важную роль в конструировании Другого и социального образа собственного Я [16, с. 135]. Согласно Шоттеру, язык в качестве грамматической системы обеспечивает механизмы участия говорящих в дискурсе, типологический выбор средств представления и конструирования собственного Я, используемых субъектами как агентами высказывания [21, с. 133–134]. Аналогичной позиции придерживаются Харре и Мюльхауслер, считающие, что различные языки образуют категориальную основу конституирования собственной и чужой идентичности [17, с. 112]. Эта позиция обнаруживает непосредственную преемственность с концепцией Мида, рассматривающего коммуникацию как обусловленную языком форму

поведения, в процессе которой происходит реализация личности. Социальные конструктивисты Окс и Шиффелин подчеркивают, что языковые возможности по-разному используются личностями как членами общества и их становление осуществляется посредством языка как символической лингвистической системы приобретения знания о его функциях и интерперетаций социально определенных ситуаций [20, с. 277]. Они также предлагают основываться на вариативном анализе при познании Другого. Эти же идеи развивают Н. Бадвиг и Р. Харре, рассматривающие язык как средство ситуирования и конституирования себя и Других в коммуникации. При этом в различных языковых средах по-разному представляются и наделяются смыслом понятия собственного Я и Другого. В отличие от типологической точки зрения, согласно которой конструирование собственной идентичности и Другого обеспечивается самой структурой языка, Бадвиг предлагает социальный подход. Она делает акцент на том, что использование различных языковых структур может привести к конструированию различных образов собственной идентичности в зависимости от конкретной ситуации и в рамках определенной культурной модели [14, с. 273–274]. Таким образом, в современном конструктивизме ведущая роль в социальных взаимодействиях отводится психосоциальным и лингвистическим факторам.

Проблематика представления себя Другим в повседневной социальной жизни, «игры в себя», общественного лицедейства, постоянной инсценировки и представления собственного Я другим как необходимого условия социальной коммуникации является центральной в творчестве представителя символического интеракционизма И. Гофмана. Предметом его исследования являются различные типы социальных инсценировок («performance»), в особенности такие, как ложные представления и мистификация. С помощью понятия «ролевой дистанции»

Гофман описывает стратегию поведения индивида, который, стремясь соответствовать общественным ожиданиям, осознает разрыв между внутренним и внешним планами самопредставления. Индивид в обществе вынужден казаться не тем, чем он является на самом деле, в результате чего он переживает кризис собственной идентичности, поскольку должен контролировать свое поведение, являющееся олицетворением его социального «лица». Условия успешности коммуникации требуют, чтобы субъекты вели себя так, как если бы не существовало никакой асимметрии между Я и исполняемой ролью.

Социальный «перформанс» имеет, по мнению Гофмана, весьма сложные критерии оценки, поскольку сами они являются продуктами социального конструирования [3, с. 93]. По существу, любая социальная роль так или иначе связана с обманом и мистификацией при участии как исполнителя, так и заинтересованного в ней зрителя, и суть проблемы поэтому заключается не в обмане как таковом, а в легитимации их обществом. Утрата доверия к исполняемым в социуме ролям может привести к существенным разрывам и нарушениям коммуникаций индивидов и их повседневных взаимодействий.

Социальный конструктивизм связывает необходимость и актуальность своего подхода с возникновением новых технологий, средств и форм коммуникативных взаимодействий, с распространением которых социальная идентификация личности в условиях современного общества становится особенно проблематичной. Входя в новые социальные контексты, личность сталкивается с новыми вызовами, препятствующими поискам собственной идентичности. Современное общество претерпело существенные трансформации в своих коммуникативных практиках, связанных с революцией в информационных технологиях, оказывающих влияние на все области человеческой деятельности в современном мире.

В настоящее время все большую актуальность получает проблема идентичности личности в условиях виртуальной реальности. В аспекте философского осмысления данной проблематики чаще всего обращаются к работам постмодернистов — М. Фуко, Ж. Делеза, Ж. Деррида, Ж. Бодрийера. В рамках постструктуралистского дискурса виртуальная реальность рассматривается как всеохватывающее пространство, конструируемое средствами массовой информации и коммуникации. При этом философская картина мира отождествляется с создаваемой виртуальной конструкцией, связанной с проблемой символа, оригинала и копии, знака и симулякра и т. д. Таким образом, виртуальная реальность рассматривается преимущественно в симулятивном аспекте, ее основным философско-онтологическим принципом объявляется разрыв референтной соотнесенности знака и означаемого, что превращает знак в симулякр, его «призрак» [11, с. 55]. С точки зрения постструктурализма, знак, превратившийся в симулякр, утрачивает свое трансцендентное значение и «метанарративность». На эмпирическом уровне виртуальная реальность в постмодернизме рассматривается как продукт средств информации и коммуникации, обладающий, однако, своими отличительными характеристиками. Средства коммуникации конструируют субъект особым образом, способствуя его децентрализации. При этом философским основанием такой позиции выступает постструктуралистская критика и разрушение бинарных категориальных оппозиций, деконструкция принципа центрации как основы западноевропейского мышления, идеи единства бытия, наличия устойчивого фиксированного центра, занимающего привилегированное место в структуре, полагающего «предел игре элементов внутри нее» [6, с. 353–354]. С помощью постструктуралистского понятия «различения» осуществляется деконструкция метафизики «присутствия», пытающейся свести сво-

бодную игру смыслов к некоей стабильной, оформленной структуре значений.

Подвергая критике само понятие структуры, постструктуралисты вводят новые термины — такие, например, как «диссеминация» в концепции Деррида, или «ризома» Делеза и Гваттари. При этом общей чертой философии постмодерна является критика основных понятий классической западной философии — «субъект» и «идентичность», понимаемых в аспекте тождественности. Делез, полемизируя с классической традицией тождества мышления, считает, что именно различие, а не идентичность является центральной категорией. Согласно Делезу, бытие — это то, что всегда высказывается о различии [5, с. 235–239]. Одним из основных в его философии является понятие «события», порождающего все значения и смыслы. При этом, событие — это маскировка повторения, это всегда сингулярная маска, которая ничего не скрывает, это симулякры без симуляции. Замысел Делеза состоит в том, чтобы придать новое значение этому понятию, отличное от навязанного ему традиционным мышлением. Французский философ делает акцент на метафизике бестелесного события, на логике нейтрального смысла, а не на феноменологии сигнификации, основанной на субъекте и мышлении настоящего.

Таким образом, появляющаяся культура симуляции начинает оказывать определяющее влияние на наше представление о разуме, теле и самости. В киберпространстве Интернета постструктуралистские термины: «децентрализованный», «текучий», «нелинейный», «непрозрачный» — приобретают особый смысл, поскольку именно здесь можно наблюдать символически сконструированную множественную самость. Современные средства коммуникации характеризуются специфической интерсубъективностью и онтологией Я и Другого. При этом Другой в проекте виртуальной реальности, как и сам субъект, оказывается весьма специфическим, и его роль стано-

вится неоднозначной. В реальной социальной онтологии Другой выполняет роль постоянно присутствующего зеркала для Я, что предполагает его неотменяемость. В случае виртуальной реальности Другому также отводится роль зеркала, однако это зеркало-отражение может быть отключаемым. Такой тип Другого может быть обозначен как технический Другой, поскольку он подразумевает сознательное использование техник конструирования социальной реальности [11, с. 92]. Субъект виртуальной реальности постоянно находится в ситуации проблематизации, сталкиваясь с различными, порой противоречащими картинками и онтологиями мира и необходимостью экзистенциального выбора между ними. В результате виртуальная реальность представляет собой своеобразную социальную проекцию свободы, предоставляя человеку свободу выбора. «Сетевой человек» формирует по своему усмотрению системы связей с другими людьми, в виртуальном мире он обретает свободу самовыражения, получая возможность представления в различных Я-образах, реализация которых в реальной жизни по каким-то причинам невозможна. В связи с этим возникает тенденция к ин-

тернет-эскапизму, погружения в иллюзорную сетевую виртуальную реальность с целью бегства от реальной жизни. Тенденция к эскапизму возникает в условиях существования множественности Я, порождающего кризис идентичности. Самоидентификация «сетевого» или, в современной терминологии, «файлового Я», становится проблематичной в связи с тем, что оно может одновременно находиться в различных местах, участвовать в различных сетевых контактах и системах блогов, выступая во множественных образах, создавая различные нарративные идентичности.

Таким образом, в современном обществе структура личностного Я становится все более сложной, в связи с чем возникает возможность кризиса идентичности. Вместе с тем существование множественности Я-образов, в которых выражается внутренняя индивидуальность личности, создает условия для выбора своей собственной самости и более полной реализации ее возможностей, осуществления собственного проекта своей жизненной истории и конструирования личностной идентичности, собственно Я в процессе социальных взаимодействий и коммуникаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барт Р. Смерть автора // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994.
2. Гваттари Ф. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения. М., 2007.
3. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2000.
4. Делез Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. Анти-Эдип. М.: АСТ, 2007.
5. Делез Ж. Логика смысла. М.: Раритет; Екатеринбург: Деловая книга, 1998.
6. Деррида Ж. Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук // Письмо и различие. СПб., 2002.
7. Кули Ч. Социальная самость // Американская социологическая мысль. М.: Изд-во МГУ, 1994.
8. Маркузе Г. Одномерный человек. М.: Слово, 1994.
9. Мид Дж. Интернационализованные другие и самость // Американская социологическая мысль. М.: Изд-во МГУ, 1994.
10. Рикер П. Время и рассказ. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. Т. 2.
11. Таратута Е. Е. Виртуальная реальность и ее смыслы // Философия виртуальной реальности. СПб., 2007.
12. Фуко М. Что такое автор? // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1994.
13. Хайдеггер М. Бытие и время. М., Ad Marginem, 1997.

14. *Budwig N.* The linguistic marking of agentivity and control in child language in *Journal of Child Language*, 16, 1989.
15. *Gergen K. J.* *Realities and Relationships: Soundings in Social Constructionism.* Cambridge, 1994.
16. *Gergen K. J.* Social construction and the transformation of Identity Politics in *Holzman L. and Morss J. (Eds.) Postmodern psychologies, social practice and political life.* N. Y.: Routledge, 2000.
17. *Harre R., Muhlauser P.* *Pronouns and People,* Oxford: Blackwell, 1990.
18. *Mead G.* *The I and the Me // Mead G. Mind, Self and Society: from the standpoint of a social behaviorist.* Chicago: University of Chicago Press, 1967.
19. *Mead G.* *The I and the Me // Mead G. Mind, Self and Society: Chicago,* 1934.
20. *Ochs E., Shieffelin B.* Language acquisition and socialization: Tree developmental stories and their implications in *R. Shweder and R. Levine (Eds.) Culture theory: Essays on mind, self, and emotions,* Cambridge: Cambridge University Press, 1984.
21. *Shotter J.* Social accountability and the social construction of “you” in *J. Shotter and K. Gergen (Eds.) Texts of Identity.* London: Sage Publications, 1989.

REFERENCES

1. *Bart R.* *Smert' avtora // Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika.* M., 1994.
2. *Gvattari F.* *Anti-Edip. Kapitalizm i shizofrenija.* M., 2007.
3. *Gofman I.* *Predstavlenie sebja drugim v povsednevnoj zhizni.* M.: Kanon-Press-C; Kuchkovo pole, 2000.
4. *Delez Zh., Gvattari F.* *Kapitalizm i shizofrenija. Anti-edip.* M.: AST, 2007.
5. *Delez Zh.* *Logika smysla.* M.: Raritet; Ekaterinburg: Delovaja kniga, 1998.
6. *Derrida Zh.* *Struktura, znak i igra v diskurse gumanitarnyh nauk // Pis'mo i razlichie.* SPb., 2002.
7. *Kuli Ch.* *Sotsial'naja samost' // Amerikanskaja sotsiologicheskaja mysl'. M.: Izd-vo MGU,* 1994.
8. *Markuze G.* *Odnomernyj chelovek.* M.: Slovo, 1994.
9. *Mid Dzh.* *Internatsionalizirovannye drugie i samost' // Amerikanskaja sotsiologicheskaja mysl'. M.: Izd-vo MGU,* 1994.
10. *Riker P.* *Vremja i rasskaz.* M.; SPb.: Universitetskaja kniga, 2000. T. 2.
11. *Taratuta E. E.* *Virtual'naja real'nost' i ee smysly // Filosofija virtual'noj real'nosti.* SPb., 2007.
12. *Fuko M.* *Chto takoe avtor? // Volja k istine: po tu storonu znanija, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznyh let.* M., 1994.
13. *Hajdegger M.* *Bytie i vremja.* M.: Ad Marginem, 1997.
14. *Budwig N.* The linguistic marking of agentivity and control in child language in *Journal of Child Language*, 16, 1989.
15. *Gergen K. J.* *Realities and Relationships: Soundings in Social Constructionism.* Cambridge, 1994.
16. *Gergen K. J.* Social construction and the transformation of Identity Politics in *Holzman L. and Morss J. (Eds.) Postmodern psychologies, social practice and political life.* N. Y.: Routledge, 2000.
17. *Harre R., Muhlauser P.* *Pronouns and People,* Oxford: Blackwell, 1990.
18. *Mead G.* *The I and the Me // Mead G. Mind, Self and Society: from the standpoint of a social behaviorist.* Chicago: University of Chicago Press, 1967.
19. *Mead G.* *The I and the Me // Mead G. Mind, Self and Society: Chicago,* 1934.
20. *Ochs E., Shieffelin B.* Language acquisition and socialization: Tree developmental stories and their implications in *R. Shweder and R. Levine (Eds.) Culture theory: Essays on mind, self, and emotions,* Cambridge: Cambridge University Press, 1984.
21. *Shotter J.* Social accountability and the social construction of “you” in *J. Shotter and K. Gergen (Eds.) Texts of Identity,* London: Sage Publications, 1989.